

Я ШАГАЮ ПО КАЗАНИ

Из новой книги

БУТЛЕРОВ

Бутлеров спиной чувствует налившуюся музыкой рябину. Как родился в 1978 году, так и сидит на стуле в Ленинском садике. Когда скашивает левый глаз — видит торец консерватории. Раньше оттуда всё больше скрипели скрипки. Звуки эти, казалось бы, совсем подрубали и без того хилое деревце, росшее между ним и нотами. А вот кровавые ягоды трепетали и набирали плоть. Когда они краснели до предела — то сами собой выстреливали ему в спину и звонко хохотали, скользя по плитке.

А он в ответ добродушно улыбался чугунным затылком.

Смотрел прямо — вдыхал чугунными же ноздрями горячий и щиплющий запах только что привезённых рогаляков в хлебный на углу Галактионова. К этому запаху примешивался жиденский дух блинной, осевшей на другой стороне улицы, напротив травяных часов.

Хлебного теперь нет.

Блинной нет намного раньше.

Направо и вовсе смотреть незачем. Наверху — вырубленный университетский сад. Внизу — дуб Джалиля. Дуб дубом. Ни цепи. Ни кота. А учёный — он сам.

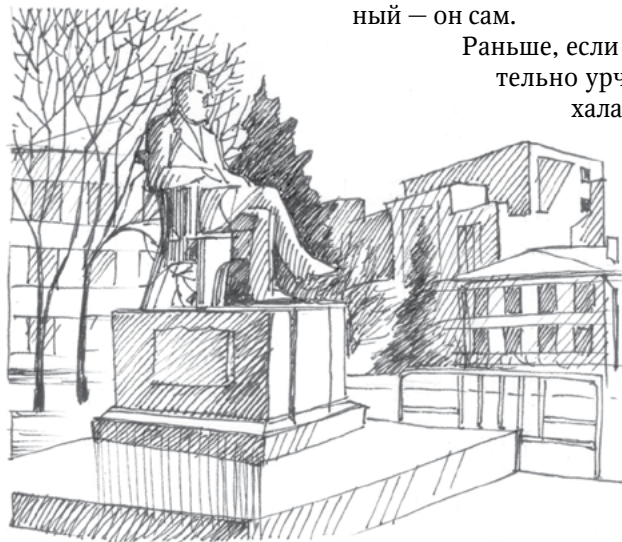
Раньше, если не скрипели скрипки, то обязательно урчало фортепьяно. Рябина колыхалась от рулад. Ягоды переливались на солнце и отбивались от беснующихся птиц.

А теперь тишина.

Только по утренним воскресеньям невыспавшиеся и зачуханные нумизматы раскладывают у него на коленях керенки и вяло обсуждают субботний проигрыш Ак Барса.

Бутлеров в этих диалогах участия не принимает.

Только колечки пара вьются из чугунного рта.

КОЛОКОЛЬНЯ БОГОЯВЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

Второй день солнце. Вчера прошёл мимо колокольни Богоявленской церкви, хотя шёл именно к ней. С целью взобраться и посмотреть на Баумана с высоты дроновского полёта. Встал уже у входа, но почему-то не пошёл. Сегодня опять солнце, опять собрался и начал вскарабкиваться всё-таки.

Катакомбные переходы, кирпичные ниши-кладенцы с монетками, колокола.

Виды на Петропавловский собор, Спасскую башню кремля, Кул Шариф.

Улица Баумана и Петербургская.

Вид на Волгу и Верхний Услон на том берегу.

Ветер в голову, кресты куполов в ребро.

Когда почти спустился, вспомнил, что забыл снимать видео.

Полез обратно на самый верх — снял пару кусочков и поохотился с фотоувеличением на пешехожей.

Когда опять почти спустился — навстречу мне поднимался звонарь. Он попросил помочь — пометрономить в большой колокол.

Я с энтузиазмом полез наверх в третий раз.

Звонили мы с ним минут десять.

В ушах стоял золотой гул.

Сердце радовалось.

Голова — в чугунных осколках восторга.

Кто сегодня слышал обеденный звон с Богоявленской колокольни — это и я вам привет передавал.

ФАМИЛИИ

Двадцать семь минут идти от Лобачевского до Вишневого.

Проходишь по Карла Маркса, почтительно шлёпаешь по Пушкина и сворачиваешь на Горького. Через Лядской сад выходишь на Щапова. Слегка задевая Толстого, полукругом скользишь по Волкова и уклоняешься на Груздева. Интеллигентно флагируешь по Чехова и через Аксёновский сквер по Лесгафта — подходишь к убежищу трудовых подвигов.

Ни одной безжизненной улицы.

Ходишь по таким фамилиям, и даже как-то в обуви неудобно...

ЧЁРНОЕ ОЗЕРО

Когда домашние ложились, из окна второго этажа я перелезал на козырёк соседнего подъезда и по газовой трубе спускался во двор.

Все слова уже засыпали, и бодрствовали только ночные звуки. По их следам я шёл на Чёрное Озеро и забирался в Деревянный замок. Там, у восточной башенки, я ловил ветер на ржавый флигель, а потом спускался к Каменному театру. В нём жили другие звуки — влюблённые охи, бутылочные бульканья и свистящие огоньки курящихся сигарет.

Непролазный лес вокруг дарил шевелящееся шёлканье шишек и хруст сухой листвы. По аллеям бесшабашно разгуливали лягушки. Ящерики в непонятной игре перебрасывались своими изломанными тенями...

Арка хранила эхо дневного шёпота. Чугунные пики витого ограждения улетали к звёздам. Хрустальное дребезжанье ящиков с молоком, разгружаемых на Лобачевского, возвращало меня домой.

Ночные звуки умирали. Просыпались первые человеческие слова.

КУРУЛТАЙ

Отчаянно-синее небо забивает весенние гвозди. Сосульки по-татарски — алга и вниз — срываются на дворниках. Дворникам не угодишь — метили в голову, а падают в ноги, звенят хрустальными крошками, смеются.

Пушкин тает у Оперного театра. Дом Кекина, облокотившись на зиму об улицу Горького, распрямляется в марте, свысока смотрит на спортивный дворец «Динамо», поигрывает дверьми буфета «Хоррият».

Хоррият сегодня переполнен писателями. А писателей переполняет хоррият, моң и лапша с компотом. На противоположном углу улицы в театре Тинчуринина проходит девятнадцатый курултай Союза писателей Республики Татарстан.

В президиуме — министр культуры, представитель президента и другие не менее талантливые литераторы...

Весь день звучит родная татарская речь. Для русскоязычных писателей перевод не обязателен — хоррият, моң и лапша — три кита, на которых держится казанская словесность...

Пошумели, поговорили, выбрали бабая Союза писателей. Метили в голову, падали в ноги, кидались пряной и рассыпчатой речью в президиум. Поэтам не угодишь.

Пушкин тает у Оперного театра. Тукай воспарил в отчаянно-синее небо. Оба с недоверием косятся на задник театра, атакованный Рудольфом Нуриевым.

Дворники смеются. Метут хрустальный сор. Хлюпает слякоть. Весна.

ДЕРБЫШКИ

Одинокий ботинок на платформе 804-го километра ожидал электрического поезда на Казань, а сиреневая девушка вводила нас к базару, туда, где стая покрашенных под дворняг волков питалась кусочками мяса, разбрасываемого наивной неправильной бабушкой.

Мы шагали по улице Мира к улице Правды и уже различали сквозь сучья и балюстрады — жёлтый дворец со слоновьими колоннами бывших пионеров — состарившихся и одичавших.

Серп и молот на портиках полуразрушенного Дворца угрожающе выступали перед нами, отпугивая и других дерботуристов от чертогов хоронящегося внутри красавца Ленина.

Но мы, уверенно минуя вневедомственного стража, проникли в утробу выставки местных авторов и посчитали все столбы острова Пасхи с вопиющими многолицами...

Далее была снеговая Аллея Героев. Фигура первая: Пионер с портвейногорном. Впившись зубами в бутылочный горн, он выдувал волшебную музыку, стараясь понравиться фигуре напротив. Фигура вторая: Отдающая честь. Мужеподобная грация. В хорошем смысле отдающая честь, причём пионерскую — характерным загибом правой руки перекрещивая лоб. Третья фигура: Немигающая вдаль. Вперяющая взор в крышу соседнего дома. Четвёртая фигура: Весло с девушкой. Женственное весло с бестией-прелестницей как финальный аккорд для сладострастных взглядов исподволь...

Треугольник Блокады. Молча снимем шапки.

Стадион «Ракета». Хоккей с мячом и с клюшкой для гольфа. Истинный русский размах. Лёд и пламень. Игры можно смотреть бесплатно. Надо приехать и лицезреть. Шайтан-коньки и огромные футбольные ворота для беспощадного хоккейного мяча...

Дальше, конечно, баня, а потом дом замечательного Igor Shirshov. А внутри: египетский там-там, катушечный магнитофон, старинная просветлённая икона Казанской божьей матери, бутерброды с чаем и кофе и позитивная музыка перед дальней дорогой на древнее озеро...

Но сначала — кто заплатит за газ!? Кто заплатит за развал!? Каждый радиатор имеет право на свою пайку! Провинциальные розовые двухэтажные дома с мезонином заслужили улицу Отдыха! Жить бы мне на углу Мира и Солидарности!

И вот мы уже на Комсомольском озере в окружении лыжников. Древний центральный дуб со скворечником вместо мозга позирует в танце голых ветвей. Обрывистый противоположный берег исторгает из себя прелестных пешеходиц, но мы находимся в сени спасательного поста с лицом графитной девушки. Ребяшня скользит с горок на спасательных кругах, а за всем этим наблюдает чуть не достроенный на берегу Храм. Действующая церковь находится неподалёку в перестроенной советской столовой. Внутри — религиозно тепло...

Перед посадкой в 91-й колёсоход — торжественное чаепитие во французской пекарне. Восхитительная творожная булочка венчает сегодняшние дербышинские похождения двух январских людей и причащает сладко снеговым содержимым проголодавшихся разведывателей нового снегопада...

